

независимое общественно-политическое издание

<http://smolensk-i.ru>

О ЧЕМ ГОВОРИТ СМОЛЕНСК

№18(86) // 21 октября 2013 г.

Мой дед Иван Клименко

стр.6

Алексей Клименко. Об искусстве компромисса и морали в политике

Здание старой консистории [Соборный двор]

Время постройки — 1780-е годы

стр.11-13

Общественно–политическое издание
«О чем говорит Смоленск»
№18[86] // 21 октября 2013 г.

Главный редактор
Светлана Савенок

Шеф–редактор
Евгений Ванифатов

Дизайн/верстка
Ирина Столбова

Фото
Дмитрий Прудников

Веб–сайт
<http://smolensk-i.ru>

Редакционная почта
smolredaktor@yandex.ru

Подписной индекс
16965

Учредитель
ООО «Группа ГС»

Адрес редакции
214030, г.Смоленск,
Краснинское шоссе, д.29
Телефон 60–63–94

Журнал «О чем говорит Смоленск»
зарегистрирован в Управлении
Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
по Смоленской области

Свидетельство о регистрации
ПИ N ТУ67–00081 от 22.01.2010

Периодичность выхода
два раза в месяц

Отпечатано в ООО «Типография Михайлова–С»
(214020, г.Смоленск, ул.Шевченко, д.86)
[4812] 31–75–25
Подписано в печать: 18.10.2013 в 18.00
По графику: 18.30
Тираж: 10 000 экземпляров
Свободная цена
Заказ:

О досрочных выборах губернатора

Практически сразу после завершения юбилейных мероприятий и формирования нового состава Смоленской областной Думы губернатор Алексей Островский сделал заявление, заставившее резко взбодриться расслабившийся было смоленский истеблишмент. Отвечая в программе «Диалоги» на вопрос Сергея Навикова, нет ли желания «повторить поступок Собянина» и пойти на досрочные выборы, глава региона сказал буквально следующее:

— У меня есть такие мысли. Я хочу получить доверие не только президента и депутатов Смоленской областной Думы, но доверие смолян. Но это вопрос двухстороннего движения. Мое желание не может быть только моим желанием, это должна быть позиция президента и позиция его чиновников, сотрудников администрации президента. При том, что я хочу заручиться поддержкой со стороны смолян, мне еще для смолян нужно поработать и многое сделать. По крайней мере, в моих планах и ежедневной работе это есть. Поэтому мысли есть, консультации есть, и, возможно, когда–либо эта взаимная позиция совпадет — Островского и тех чиновников, которые у президента отвечают за внутреннюю политику.

И вот, буквально в день сдачи этого номера журнала в печать, жару в обсуждение добавила газе-

та «Известия». Цитируем: «По информации «Известий», в ближайшее время досрочно покинуть свои посты могут губернаторы Орловской, Мурманской, Калининградской, Волгоградской, Ярославской, Кировской, Курской и Кемеровской областей. Как утверждают источники в Кремле, к каждому из глав этих регионов есть серьезные претензии, связанные с низким качеством управления территориями и наличием протестных настроений. Разрешение на досрочные перевыборы может получить губернатор Смоленской области Алексей Островский».

Не беремся судить, насколько достоверна информация, опубликованная в «Известиях», но по нашей информации, «взаимная позиция», о которой говорил Алексей Островский, действительно достигнута. И, если смоленский губернатор сочтет необходимым заручиться поддержкой смолян через выборы, он действительно сможет это сделать. А учитывая, что у Островского нет ни одного реального конкурента, дискуссию на предмет его «избираемости» можно считать завершенной. Как сказал бы один из известных российских политиков «избираем, однозначно!»

Так что мы полагаем, что выборы губернатора Смоленской области все-таки будут. В сентябре 2014-го. А что вы об этом думаете? ■

Примите мою эстафету

Анна РЕЗНИК

В те секунды, когда глава спорт-департамента Эдуард Заенчковский гордо нес на вытянутых руках олимпийский огонь, я сидела в такси. Такси стояло в нескончаемой безнадежной пробке. Между мной и Эдуардом Марьяновичем пролежала пропасть, наполненная самыми разными мыслями с моей стороны.

Я думала о теплой стране, в которой рождается олимпийский огонь, о море, омывающем ее берега, об оливковом масле и анисовой водке, которая пахнет лекарством от кашля и здорово от него помогает. А что еще оставалось? Необходимо было отвлечься, чтобы подавить первобытное желание резко выйти из машины не заплатив и отправиться своим путем. Потому что путь, как уже было сказано, мне преградили.

Люди, которые многократно заслужили это право — бежать с олимпийским огнем в руках, оставив меня позади в пробке. Люди, которых наполнила гордость, до краев, до разноцветных кончиков пальцев в фирменных олимпийских перчатках. Я им бесконечно завидовала.

И в то же время: что мне мешало провести эту субботу не в пробке, а в эстафете? Бежала бы себе рядом с сити-менеджером Николаем Алашеевым в спортивной шапочке и махала бы фотокамерам, передавая привет Олимпийскому комитету... Заслуг у меня, конечно, маловато, да и физподготовка оставляет желать лучшего. Тем более, что суббота и так выдалась напряженной.

Огонь ума

Рано утром раздался звонок:

— Ты же смотришь «Умники и умницы» по первому?

— Нет, а что там — Юрий Вяземский жжет?

— Вяземский — ладно. Там жжет Островский!

Включаю телевизор. И правда — на первом — губернатор Смоленской области Алексей Островский возглавляет судейский ареопаг, откликается на «Вашу честь» и все ситуации, когда требуется решение ареопага, неизменно оборачивает в пользу студентов...

В передаче речь шла о Смутном времени в истории Отечества. Значительное число вопросов было посвящено Смоленску. Так что, как привычно пошутил Островский, здесь есть чему поучиться: «С учетом того, что каждый день я подписываю порядка 100—150 бумаг, по утрам теперь буду говорить: «Несите папку для боярского рукоприкладства». В Москве все понимающе посмеялись. В Смоленске некоторые вздрогнули.

Огонь страсти

Уже ближе к вечеру информационное пространство начало наполняться дымом, правда, не от олимпийских факелов, а из-за погромов в южном районе Москвы.

Скажу честно, если развернуть передо мной карту Московской области, я скорее найду на ней Олимпиаду, чем Бирюлево... Что поделать, у всех свои культурологические вакуумы. Зато я вспомнила, что имен-

но там, в Бирюлево, находилась квартира героини ситкома «Моя прекрасная няня»... И как знать, если богатый продюсер ее бросил, наверняка же она имело непосредственное отношение к реализации овощей на овощебазе...

Поразительна логика женщины! Твердишь ей о народном бунте, даешь расклады, описываешь ужасы протестных настроений, а она тебе в ответ все равно твердит о своем, о женском: «До чего же жаль ту девушку, чьего парня ножом пырнули... Легко, думаешь, найти хорошего парня?»

Случай—пример того, что отнюдь нелегко, пришел на редакционную почту в виде пресс-релиза с пометкой «заказное убийство».

Я сразу вспомнила начало фильма «Замужем за мафией», где фигурирует красавчик Болдуин в идеальном костюме с идеально прилизанными волосами. В этот раз все было совершенно по-другому. Никаких Болдуинов, только 38-летняя жительница Ельнинского района. Субъект уголовного права — ее супруг. Синописис не опишешь лучше, чем это уже сделали следователи: *«Жительница деревни Теренино Ельнинского района, будучи замужем познакомилась с мужчиной. В связи с тем, что дальнейшую жизнь она связывала с новым знакомым, женщина решила убить своего мужа».*

Убить решила гуманно, в том смысле, что ядом. Но новый знакомый резко понял, что семейная жизнь явно не для него и обратился в полицию. К счастью, не все мужчины, которые понимают, что они не созданы для семейной жизни, обращаются в полицию. Но у этого, согласитесь, были основания. Несчастную влюбленную задержали. Новый знакомый и старый

муж вздохнули с облегчением. А в кинотеатрах тем временем гремели залпы из бондарчуковского «Сталинграда» и по кинематографичности происходящего слегка проигрывали действительности...

Огонь Прометея

И, наконец, олимпийская суббота ознаменовалась тем, что в этот день завершилась 15-я российская агропромышленная выставка «Золотая осень», в которой Смоленская область традиционно приняла участие. Племенные хозяйства региона были награждены золотыми медалями и дипломами. Одна было даже особо отмечено, за особую роль в искусственном осеменении домашних животных...

А еще мы узнали имена лучших изобретателей. Особого приза было удостоено изобретение Александра Боброва и Валентины Мицевич «Станция очистки подземных и сточных вод»...

Это я к тому, что иногда хочется, словно подземные воды, очистить собственные мысли. Хочется, чтобы они текли в правильном русле, хочется радоваться, если в твой город привозят олимпийский огонь, пусть даже другая жизнь парализуется на это время. Хочется верить, что все, кто огонь нес, и дальше будут нести его в своем сердце, передавая нам его тепло, как эстафету.

...Итак, я сидела в такси и терпеливо ожидала, пока олимпийский огонь пронесут мимо меня.

Но настанет день, когда я с нежностью подумаю об этой земле, где огонь не погас, где набережную Днепра все-таки построили, и мне ужасно захочется зеленых помидоров и водки, которая, как водится, ничем не пахнет. Именно так для меня завершится та субботняя эстафета. ■

Александра ОМАРЬ

Мой дед Иван Клименко

В октябре в Смоленске на фасаде здания Дома Советов была открыта мемориальная доска почетному гражданину Смоленской области и города Смоленска Ивану Клименко. Легендарный первый секретарь смоленского обкома Клименко заслужил у современников уважительную характеристику «хозяйственник». Это, кстати, именно ему принад-

лежит ставшая культовой фраза: «Живешь на Смоленщине — будь строителем». О том, каким он был человеком, чем жил, уже отойдя от государственных дел, мы спросили у его внука Алексея Клименко, кандидата юридических наук, доцента, автора более ста научных статей, монографий и учебных пособий, посвященных проблеме правовой идеологии.

— Алексей Иванович, вышло так, что мемориальную доску вашему знаменитому деду открывали люди, которые, по их собственному признанию, лично его не знали. С одной стороны, это понятно, таково течение истории. Но все же я, например, обратила внимание на то, что и губернатор Алексей Островский, и спикер областной Думы

Игорь Ляхов начинали свои торжественные речи со слов о том, что не были знакомы с Иваном Ефимовичем.

— Для меня важнее другое — первые лица области сочли своим долгом лично присутствовать на открытии мемориальной доски. Что касается вопроса «знали — не знали», хочу сказать, что на церемонии я видел многих людей, которые уже не первый раз приходят на мероприятия, посвященные памяти о тех временах, когда Иван Ефимович Клименко возглавлял область. И все они — те люди, которые знали дедушку, работали с ним. Могу сказать, что вместо моего выступления — выступления внука — возможно, более уместно было бы выступление тех, кто с ним работал, потому что дедушка был, прежде всего, общественной фигурой, человеком для других людей. Но протокол есть протокол. Я рад, что соратники Ивана Ефимовича очень положительно восприняли торжественное открытие мемориальной доски, и, главное — сам факт ее появления, *и благодарен своим землякам-смолянам за высокую оценку вклада моего дедушки в развитие региона.*

— Когда говорят о Клименко, обязательно подчеркивают, что он был не политиком, а хозяйственником. Но ведь только будучи человеком, тонко понимающим происходящие процессы в области и в стране, можно реализовать проекты, которые были претворены в жизнь вашим дедом. А это же и есть политика, разве нет?

— Безусловно, в определенном смысле слова, дедушка был политиком. Но я понимаю и тех людей, которые подчеркивают, что он

был не политиком, а хозяйственником — это связано с представлениями о политике со времен Николо Макиавелли. Он, если помните, показал в своей знаменитой работе «Государь», что даже эффективная и полезная для народа политика может быть неморальной. То есть не всегда моральные оценки политику уместны. Иногда в политической сфере человеку приходится принимать решения и действовать в таких ситуациях, когда он обязан действовать, а морального решения проблемы нет. Любое решение является аморальным. О степени аморальности говорить нельзя, потому что нравственные ценности имеют абсолютный характер в отличие от правовых стандартов или политических целей. Но я бы предложил оперировать домакиавеллиевским понятием «политик». В античном представлении политика — есть искусство управления полисом. Думаю, для дедушки это более справедливо. В этом смысле, как человек, который организовывал общее дело, он действительно был политиком.

— Объединял людей во имя общего дела?

— Да, он придерживался именно этой схемы руководства. Есть одна неплохая исследовательница этих процессов, с которой я правда не во всем готов согласиться, — Ханна Арендт, так вот, она утверждает, что сила и политическая власть совсем не одно и то же. Политическая власть всегда основана на умении лидера воодушевить людей, зажечь их. Лидер добивается поставленной цели не сам по себе, а путем «заражения» ею других людей, и люди тратят свою личную энергию, свой личный энтузиазм на достижение этой цели. Так и было во времена моего дедушки. Этой системе политической власти Арендт противопоставляет силовое принуждение. Такую позицию она как раз критикует за дефицит политической власти, говоря о том, что не эффективным является управление людьми без учета их воли и желания. Конечно, в любом управлении есть вариации и той, и другой схемы. Но вопрос в том, какая превалирует. Мне

На субботнике Смоленской АЭС. 1980 год
(слева от Клименко Борис Рева)

“ У дедушки было одно любимое изречение: «Самая простительная ошибка — это ошибка в людях». К вопросу оценки людей он относился с осторожностью. У него была очень сильная вера в человека, почти кантовская

На цветущем поле льна
(с Дмитрием Филатовым, председателем исполкома
Смоленского областного Совета народных депутатов)

кажется, что руководитель, который может зажечь людей — это действительно политик. Думаю, что такой талант у дедушки был. И я, кстати, не сторонник критики советского строя, которую часто позволяла себе Ханна Арендт. Ведь было много людей, которые искренне верили в то, что они делают, и их было не меньше, чем сейчас, я так скажу. Мне кажется, это важная задача и современных политиков — воодушевлять людей и понимать важность этого. Думаю, сейчас, с учетом тех вызовов, которые стоят перед нашей страной, это необходимо осуществлять как на федеральном, так и на региональном уровнях.

— Иван Клименко, пожалуй, единственный руководитель Смоленской области, оставивший о себе исключительно положительное послесловие. Не хочу рассуждать на тему — почему у других, многих, так не получилось... На ваш взгляд, какие его человеческие черты способствовали такой хорошей памяти, оставшейся у смолян?

— Любой человек, особенно политик, не может быть оценен всецело только положительно. Но то, что человек оставляет в памяти о себе только добрый след, говорит о том, что хорошего было значительно больше. Время — очень важное расстояние, с которого видится человек, с которого можно оценивать масштаб его личности и значение его трудов. Что касается его человеческих качеств, то, на мой взгляд, все они легко «прочитываются» в автобиографической работе «Думы о былом». На мой взгляд, самое важное из них — внимательное отношение к людям. Конечно, он физиче-

ски не мог вникнуть в проблемы каждого. Но у него было удивительное терпение по отношению к людям, готовность понять их и поддержать в их лучших проявлениях, не судить сразу резко только по нескольким действиям. Он всегда знал, что, несмотря даже на кажущееся отсутствие общего языка, общих интересов и еще много чего, все равно можно найти общее решение. И он всегда отзывался о тех, с кем его свела судьба, только в положительном ключе. В «Думах о былом» он делает исключение в этом смысле, и то достаточно сдержанное, в оценке

Михаила Сергеевича Горбачева. Я думаю, что многие люди его, да и моего поколения неоднозначно относятся к этой фигуре. А так, несмотря на множество трений, сложных ситуаций, он всегда искал конструктивный выход.

— А лично вам удалось испытать эту удивительную для человека коммунистической закалки способность к компромиссу?

— Расскажу историю из своей практики, когда очень хорошо это почувствовал. Была у нас в семье дискуссия, когда я собирался ехать в адъюнктуру (аспирантуру)

в Москву, и практически вся семья выступала против этого. Против выступил и дедушка. Он сказал — зачем тебе ехать в Москву, если ты можешь здесь работать, защищать диссертацию. Однако в Смоленске не было аспирантуры по моей специальности и не было Диссертационного совета. Я старался отстоять свою позицию, в итоге мне это удалось. Но меня что поразило — несмотря на то, что дедушка был уже в возрасте, когда люди редко меняют свою точку зрения, он на самом деле готов был меня выслушать. Он спросил — уверен ли я в своих силах, добьюсь ли я в

Иван Клименко с внуком Алексеем. 2001 год

Москве того, ради чего я туда собираюсь. Я дал ему обещание защитить диссертацию, он обещал мне поддержку. Это был человек, который готов был менять свою точку зрения на основе разумных аргументов. Это нечасто встречается у сформированных, убежденных людей... А вот после того, как дедушка меня поддержал, пути назад уже не было — я уже не мог вернуться без защищенной диссертации.

— Часто ли после ухода в отставку Клименко давал оценку происходящим политическим процессам?

— Он был очень осторожен в оценках и не спешил критиковать людей. Я никогда не слышал из его уст критику в отношении тех, кто стоит у власти, хотя, могу сказать, догадывался: далеко не все из того, что происходило, ему нравилось. Знаете, ведь отставка стала для него серьезным испытанием. Пост его заставили покинуть при Горбачеве. Это был серьезный опыт в жизни дедушки. Но это его не озлобило, как человек мудрый, он смог извлечь пользу для себя и из этого опыта. Он не любил роль критика не потому что боялся чего-то, а потому что был деликатен по отношению к людям — понимал, что сегодня совсем другие условия, в которых управленцам приходится решать довольно не простые задачи. В этих условиях он пытался ориентироваться, но, безусловно, был воспитан в другой системе и, как правило, не считал себя вправе кого-то критиковать. Он давал некоторым руководителям области советы, высказывал иногда свое отношение к некоторым обстоятельствам политической жизни,

вместе с тем, когда дело касалось оценки людей, фигур он был очень осторожен. Его критические замечания относились не к людям, а к определенным действиям или событиям. Он был не из тех, кто удобно себя ощущает в роли критика-наблюдателя. Он всегда был в роли того, кто действует, выполняет задачи.

Мне отец рассказывал, у дедушки было одно любимое изречение: «Самая простительная ошибка — это ошибка в людях». Тем не менее, к вопросу оценки людей он относился с осторожностью и внимательностью. У него была очень сильная вера в человека, почти кантовская. Хотя, безусловно, ему далеко не все нравилось из того, что происходило в стране, особенно, в 90-е годы прошлого века. И я думаю, что люди его поколения могут прекрасно нам с вами сказать, что именно им не нравилось, и их мнение во многом

будет совпадать с тем, которое имел дедушка.

— Тот факт, что вы внук первого секретаря обкома партии Клименко, вам помогал в жизни, либо наоборот?

— Безусловно, я испытываю гордость за то, что я его внук, но, конечно, понимаю, что моей заслуги в этом нет. Мне в каком-то смысле повезло — когда дедушка в мае 1987 года ушел со своего поста, мне было всего семь лет. То есть у меня не было соблазна влиться в ряды той категории населения, которую называют «золотая молодежь» сейчас. Наверное, было бы преувеличением сказать, что я всего добивался сам. Потому что человек вообще далеко не всего добивается сам, ему всегда помогают те люди, которые его окружают, человек не живет в социальном вакууме. Но вообще, я всегда осознавал ту ответственность, которую накла-

Москва. Кремль.
У Дворца съездов

Гагарин. Центральная площадь.
С гостями около памятника Гагарину

дывала на меня моя фамилия. И это здорово помогало в плане самодисциплины. Но скажу честно, я не имел каких-то социальных дивидендов. Другое дело, что мне всегда приятно общаться с людьми, которые знали Ивана Ефимовича. Очень интересно общаться с этими людьми, перенимать у них опыт и самое главное настроение. Какое-то такое позитивное конструктивное. Человек уже много лет на пенсии, и все равно не может не работать, потому что в работе вся его жизнь. Вот таких людей всегда встречать приятно. Понимаешь, что надо брать с этих людей пример, и идти вперед. ■

Церковь Иоанна Предтечи

Владислав КОНОНОВ

Самой старой постройкой сохранившегося архитектурного комплекса Соборной горы является церковь Иоанна Предтечи. Строительство этого храма было начато в 1699–м и окончено в 1703–м году

Исторически комплекс Соборной горы начинается не с собора, а с полузаброшенной смотровой площадки в восточной части. Здесь когда-то находился княжеский терем, построенный в середине XII столетия предположительно князем Ростиславом. Две части полутораметровых смежных стен его подклета были раскопаны в 1965 году. Сна-

чала терем пострадал в ходе взятия Смоленска польскими войсками в начале XVII века, а окончательно был разобран при строительстве Успенского собора.

Самой же старой постройкой сохранившегося архитектурного комплекса Соборной горы является церковь Иоанна Предтечи. Строительство этого храма было начато в 1699–м и окончено в 1703–м году.

“ В подклете церкви в XVIII веке находилась архиерейская тюрьма. Она состояла из двух «молчальных келий»

Этот памятник примечателен еще и тем, что в его трапезной сохранилась единственная в городе печь с расписными изразцами, выложенная одновременно со строительством здания. Из убранства церкви сохранились в алтаре лепные обрамления фресковой живописи. Вплоть до 1740-х годов и после, во время перестройки Успенского собора в этом храме велись архиерейские богослужения.

В подклете церкви в XVIII веке находилась архиерейская тюрьма. Она состояла из двух «молчальных келий», в которые когда-то заключали лиц, совершивших преступления против Церкви. Возможно, именно в этой тюрьме в 1740-х годах находился один из смоленских губернаторов Алексей Баскаков, обвиненный высшим духовенством в покровительстве раскольникам.

Храм был закрыт для богослужений в 1930 году. В нем располагалась одна из экспозиций антирелигиозного музея, созданного годом ранее в Молоховской башне Смоленской крепостной стены, а позднее переведенного в Богоявленский собор. В подклете церкви

Иоанна Предтечи разместили тюремное «оборудование» многолетней давности. Например, «кобылу» — скамейку со стесанной на острие верхней доской, на которую сажали человека, привязав к ногам железные гири. Или «лисицу» — массивную березовую колоду с железной цепью и браслетом, который вешался колоднику на шею.

В послевоенное время в храме разместился отдел природы и фонды музея-заповедника. Верующим церковь была возвращена 1996 году, а спустя три года в ней начались богослужения. В подклети же храма, где когда-то томились узники, ныне располагается учебный класс духовной семинарии.

Вплотную к церкви Иоанна Предтечи примыкает двухэтажное здание, возведенное в 1780-х годах в стиле барокко. Его называют старой консисторией — местом, где сосредотачивалось управление Смоленской епархией. На первом этаже первоначально размещались ризница и казначейство, на втором — собственно консистория, учреждение по управлению епархией. ■

Владимир Полоников

«Смоленщина всегда рада встретить соотечественников»

Сергей КОЗЫРЕВ

Вближайшие пять лет Смоленская область направит на нужды переселенцев почти 11 миллионов рублей. В конце июля этого года была утверждена региональная программа «Оказание содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом», рассчитанная на 2013—2018 годы (далее по тексту — Программа). За данный период предполагается принять 3200 мигрантов. Без малого двадцать районов Смоленщины — территорий возможного вселения готовы предложить им работу и помочь обустроиться на новом месте.

«В свою очередь, наша экономика должна получить от реализации Программы установление равновесия на региональном рынке труда», — подчеркивает Владимир Полоников, первый заместитель начальника департамента государственной службы занятости населения Смоленской области — уполномоченного органа по реализации Программы.

— Владимир Викторович, Программа 2013—2018 годов — это ведь второй этап содействия Смоленской области добровольному переселению со-

отечественников. Регион уже принимал участие в аналогичной Программе в 2010—2012 годах. Что можно сказать об итогах первого этапа?

— Действительно, в отличие от соседних регионов ЦФО (например, Брянской области) Смоленщина уже участвовала в такой Программе и накопила за прошедшие три года определенный опыт, который, бесспорно, пригодится нам в ближайшие годы. Программа 2010—2012 годов вызвала живой интерес у наших соотечественников, проживающих за рубежом. За время ее действия к нам поступило 806 анкет от соискателей, в итоге же в область на постоянное место жительства и работы переехал 551 человек (непосредственно 321 участник Программы и 230 членов семей участников). Эти цифры более чем красноречиво говорят о востребованности данного вида трудовой миграции именно в наш регион.

— Программа 2010—2012 годов предлагала переселенцам территорию вселения, в которую входили три муниципальных образования Смоленской области: Гагаринский, Ярцевский и Велижский районы, готовые

принять соотечественников. Не очень-то богатый выбор был, откровенно говоря.

— Тем не менее, более пятисот соотечественников приехали к нам, в эти три района, нашли на смоленской земле хорошую работу. Некоторые из них были даже обеспечены жильем. К примеру, приехавшие работать в Велижский район, в сельскую местность, совершенно безвозмездно для себя получали жилье. Пусть не суперкомфортабельное — обычный деревенский дом, но все-таки... В таких деревенских домах, замечу, живут миллионы селян по всей необъятной России. На первое время это их устраивало. Понятно, что не каждый готов переехать в сельскую местность и жить там, труд селян достаточно непростой, тяжелый. Но тот, кто приехал и был настроен на работу, зная, что представляют собой будни той же доярки или механизатора, он, конечно же, остался.

— Каким образом выбираются территории вселения?

— В первую очередь, исходя из кадровой потребности того или иного района. Одна из задач, которую должна решить Программа в экономической сфере Смоленщи-

ны — это привлечение квалифицированных специалистов, как в промышленность, так и в сельское хозяйство. Например, Вяземский, Ярцевский и Гагаринский районы испытывают кадровые трудности, в первую очередь, на селе. В самом городе Ярцево нужны такие квалифицированные специалисты, как станочники, токари или же фрезеровщики высокого разряда...

— Вязьма, Гагарин и Ярцево испытывают кадровый дефицит, в том числе, и ввиду близости к Москве, уровень заработных плат в которой существенно выше.

— Да, непосредственная близость к столице сказывается, конечно. Московские предприятия предлагают зарплаты на порядок выше. Поэтому многие смоляне уезжают. В прошлом году с территории области только в Москву и Московскую область выехало около 15 тысяч человек, как на постоянное место работы, так и на работу вахтовым методом.

— Если ранее вы могли предложить нашим соотечественникам лишь три района вселения, то сегодня, в Программе на 2013—2018 годы, их количество увеличилось почти до двадцати, а это практически вся Смоленская область.

— Если быть абсолютно точным, то в действующей Программе девятнадцать районов-участников. И сформированы они в соответствии с аналогичным принципом, исходя из кадровой потребности. По данным службы занятости на начало сентября, к примеру, работодатели заявляют о вакансиях более чем на 10 тысяч рабочих мест. При этом признанных безработны-

ми в Смоленской области около 5,5 тысячи человек. Таким образом, кадровый дефицит составляет порядка 5 тысяч.

Если посмотреть в разрезе территорий, то можно выделить ряд районов с высоким уровнем безработицы (скажем, Руднянский район, где более 430 безработных) и низким (небольшой Ельнинский район — 320 безработных). В целом, потребность в кадрах есть везде, начиная от строительной отрасли и заканчивая сельским хозяйством. Отдельно стоит упомянуть про устойчивую потребность в медперсонале. Несмотря на наличие в регионе собственной медицинской академии, Смоленщине очень нужны врачи, средний медперсонал. Поэтому многие наши районы, заявившиеся в Программу, хотят решить путем

привлечения соотечественников из-за рубежа, в том числе, и проблему дефицита кадров, проблему обеспечения населения качественной и квалифицированной медицинской помощью.

— Есть ли у вас плановые показатели на грядущую пятилетку в части реализации Программы?

— За 2013—2018 годы мы планируем принять на Смоленщине 3200 переселенцев. Это тот минимум, который мы *должны* обеспечить. Если же желающих окажется больше, то готовы к корректировке Программы, в том числе, и в финансовом плане.

— Какие материальные (впрочем, не только) выгоды предлагает Программа потенциальным переселенцам?

— Общий объем финансирования Программы из регионального бюджета составляет без малого 11 миллионов рублей. В ее рамках в качестве дополнительных гарантий и мер социальной поддержки переселившимся соотечественникам, связанных с предоставлением им временного жилья и оказанием помощи в жилищном обустройстве, осуществляются:

а) возмещение участникам Программы и членам их семей расходов по добровольному медицинскому страхованию на срок до трех месяцев в период до получения ими разрешения на временное проживание в Российской Федерации;

б) предоставление услуги по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию участников

Программы и трудоспособных членов их семей;

в) выплаты единовременной материальной помощи участникам Программы, имеющим трех и более несовершеннолетних детей (из расчета 3 тысяч рублей на участника Программы);

г) оказание содействия в жилищном обустройстве. Для поддержки участников Программы, прибывших из-за рубежа, будет осуществляться возмещение оплаты найма (поднайма) жилья (за период до двух месяцев в расчете средней стоимости до 6 тысяч рублей в месяц на участника Программы).

К тому же каждый член семьи переселенцев после получения разрешения на временное проживание в Российской Федерации может оформить полис добровольного медицинского страхования, расходы по которому несет бюджет регионального ФОМСа. Это что касается материальных предпочтений. Кроме того, участники Программы и члены их семей получают возможность упрощенного получения российского гражданства, что, согласитесь, крайне важно. Если обычная процедура его получения может длиться до пяти лет, то участник Программы становится гражданином Российской Федерации в течение полугода. Как видите, разница во времени существенная.

Более того, каждый участник Программы может получить выплату пособия на обустройство (подъемные) в размере 20 тысяч рублей (а каждый член его семьи — по 10 тысяч рублей), а также компенсационные выплаты за проезд и провоз багажа, осуществляемые Управлением Федеральной миграционной службы по Смоленской области.

— Насколько обширна география приезжающих в Смоленскую область переселенцев?

— Довольно широка. Лидером в этом плане является Узбекистан, именно оттуда поступает наибольшее количество анкет и приезжает больше всего соотечественников. Далее в порядке убывания следуют Молдавия и Казахстан. Меньшее количество приезжает из Украины, Армении, Таджикистана и Киргизии. Страны Прибалтики замыкают список — за все время действия Программы оттуда приехали всего 4 переселенца. По

“ За 2013–2018 годы мы планируем принять на Смоленщине 3200 переселенцев

большому счету, такое распределение понятно. Мы ведь оказываем содействие и, к сожалению, не всегда имеем возможность обеспечить требуемый уровень условий, выдвигаемых соотечественником. Например, уровень комфорта предоставляемого служебного жилья в Рославле вряд ли сопоставим с литовским. Или же, если сравнивать стоимость смоленского жилья с аналогичным показателем, допустим, в Киргизии, то средств, вырученных от продажи там, вряд ли хватит на приобретение квартиры аналогичного уровня в том же городе Ярцево.

— Местные национальные диаспоры каким-то образом участвуют в процессе интегра-

ции своих соотечественников на Смоленщину?

— Некоторая работа в этом направлении идет. Однако они контактируют скорее напрямую с соотечественниками. Знаю точно, что в Ярцево и Ярцевском районе чувствуется серьезная поддержка переселенцев из Армении — им помогают как с жильем, так и с работой.

Вообще, нужно сказать, что у смолян исторически приветливое, теплое отношение ко всем гостям, прибывающим с добрыми намерениями. Особенно в сельской местности. Нередки примеры, когда соотечественникам, приезжающим зимой, весной помогают наши селяне. Кто овощным семенным фондом, кто еще чем. По-доброму, как это принято на Руси. Никаких конфликтных ситуаций я не припомню. Смоленская земля всегда рада приветствовать гостей.

— Те районы, которые не вошли в Программу — это некий потенциал роста, или там на рынке труда все сбалансировано, и предложить достойный выбор места работы для переселенцев в них крайне проблематично?

— Город Смоленск не вошел в Программу, поскольку здесь нет острого кадрового голода. В остальных не вошедших районах проблемы с кадрами есть, однако их решать за счет переселенцев они еще не готовы. Это Хиславичский, Угранский, Ельнинский, Сычевский и Ново-Дугинский районы. Поэтому их действительно можно рассматривать как некий потенциал, резерв для еще большего расширения географии действия Программы. В принципе она вполне может расшириться до двадцати пяти районов.

— Из девятнадцати районов Смоленской области — территорий вселения, кто и каким жильем (и на каких условиях) готов обеспечить переселенцев?

— Районы—участники Программы, конечно же, имеют жилье. Как правило, это жилье на вторичном рынке. Оно пустует, оно есть в реестре, и его можно приобрести. Стоимость одного квадратного метра, естественно, различна. Если в городах Гагарин, Вязьма или Ярцево один «квадрат» стоит порядка 30 тысяч рублей, то есть территории, где можно купить жилье из расчета 7—8 тысяч рублей за квадратный метр.

Ряд учреждений (в первую очередь медицинских) готов предоставлять переселенцам и служеб-

ное жилье. В области наблюдается острая нехватка медицинских кадров, как я уже говорил, поэтому главы муниципалитетов «держат» такое жилье в надежде заполучить к себе на постоянное место жительства медицинских работников той или иной специализации.

— Выходит, переселенцы с дипломом врача находятся в более выгодных экономических условиях, вполне может стать так, что им не придется покупать жилье.

— Выходит, так.

— А за прошедшие годы среди приехавших в Смоленскую область соотечественников много было врачей?

— Увы, за все время действия Программы к нам приехали лишь двое. Тут, видимо, нужно учитывать, что ранее им было необходимо в обязательном порядке пройти в Москве непростые процедуры нострификации диплома (признания и установления эквивалентности документов иностранных государств об образовании и ученых степенях и званиях), переобучения, получить сертификат... Все это растягивалось на срок до полугода, было сложно и довольно затратно. Представьте себе, в какую копейку выйдет полугодовое проживание в Москве за собственный счет.

Сегодня все эти процедуры наши соотечественники могут пройти в Смоленске, что существенно упрощает дело. Поэтому мы смело говорим о том, что ждем и приглашаем к нам врачей и все необходимые процедуры, связанные с их адаптацией на новом месте, максимально упрощены. Любую дополнительную информацию они всегда могут получить непосредственно в департаменте Смоленской области по здравоохранению [телефон 8-4812-29-22-01].

— Помимо врачей, в ком еще нуждается экономика региона?

— Конечно же, в строителях. Смоленщина активно строится, в связи с чем целый ряд предприятий Гагаринского, Сафоновского, Ярцевского районов привлекают специалистов—строителей из стран ближнего зарубежья. В первую очередь стройке нужны каменщики, штукатуры, маляры...

— Традиционно органы службы занятости населения предлагают переселенцам свои решения по их обучению. Данный ме-

ханизм в Программе 2013—2018 годов остается?

— Да, соотечественники могут рассчитывать на это. Если кто-то из них был согласован на рабочее место, но по прибытии оказалось, что его профессиональные навыки не соответствуют требованиям работодателя, мы готовы дать дополнительный трудовой навык востребованной на местном рынке труда специальности. Для этого в Смоленске работает учебный центр (с общежитием). Весь процесс обучения, проживание — все это для наших соотечественников в рамках Программы абсолютно бесплатно.

— Каким образом формируется пул компаний, производств и предприятий, готовых участвовать в Программе и принимать к себе на работу переселенцев? Они как-то замотивированы вами в финансовой плане?

— Вовсе нет. Никаких компенсаций или налоговых льгот, если вы имеете это в виду, нет. Самое главное, что интересует работодателя — нужные ему кадры. К примеру, на многих крупных предприятиях нужны станочники, токари, фрезеровщики, наладчики, слесари. На селе ждут механизаторов, доярок, скотников, пастухов. За что же тут еще доплачивать? Квалифицированные кадры — вот самая мощная мотивировка, выгода. Других преференций нет.

— Переселенцы вольны менять на Смоленщине место работы и жительства или вообще уехать, куда им вздумается. Много ли на вашей памяти подобных историй?

— Конечно, каждый человек волен самостоятельно распоряжаться

своей жизнью. Здесь могу лишь отметить, что если участник Программы получает подъемные и планирует перемещаться по Смоленщине и России и далее, он должен отработать эти подъемные в этой же территории вселения. Но вообще таких случаев, когда переселенцы уезжают из Смоленщины — единицы. Многие из них становятся участниками Программы на основании, в том числе, личных мнений соотечественников, которые прибыли к нам ранее и не первый год живут здесь и работают. (Кстати говоря, такие граждане, прибывшие в Россию вне рамок действия Программы и на законном основании проживающие на территории Российской Федерации (имеющие РВП), могут стать участниками Программы).

Так вот, если эти переселенцы живут здесь, воочию наблюдая реальное положение вещей, не собираются уезжать и рекомендуют Смоленщину своим соотечественникам, стало быть, их все устраивает. Полагаю так.

Периодически мы проводим выездные презентации Смоленской области за рубежом, в ходе которых соотечественники буквально «засыпают» нас вопросами. Они очень интересуются всеми аспектами жизни, более того, активно посещают презентации и наших соседей по ЦФО. Смоленщина всегда находится в режиме прямого телефонного диалога с переселенцами, они могут перезвонить напрямую в любой интересующий их муниципалитет, где ответственный за реализацию Программы сотрудник исчерпывающе ответит на все вопросы или же подскажет, к кому обратиться по тому или иному интересующему его вопросу.

“ Вообще, таких случаев, когда переселенцы уезжают из Смоленщины — единицы

— Один из ваших последних международных контактов — видеомост с Бишкеком. Это новый этап развития отношений с Киргизией или же первое знакомство?

— В прошлом году наша делегация побывала в этой стране с рабочим визитом и провела ряд презентаций в нескольких городах. В формате видеоконференции мы также могли задать друг другу конкретные вопросы. Подготовились, должен сказать, основательно. Пригласили и представителей УФС, департамента здравоохранения, таможни, Пенсионного фонда и даже одного банка, который имеет особую программу кредитования переселенцев. Соотечественников волнуют абсолютно все вопросы: не только получения гражданства, но и пенсий, как перевезти на территорию будущего проживания свое имущество, автомобили, станки и оборудование. Диалог, полагаю, получился плодотворным и конкретным. Вопросов прозвучало очень много, и на все из них получены ответы. Иначе у нас и не принято. ■

А ЧТО ВЫ ОБ ЭТОМ
ДУМАЕТЕ?

journal.smolensk-i.ru

Линии

Олег ЕРМАКОВ
фото автора

1

Когда смотришь от Днепра на башню Веселуху, зависшую над оврагом, да еще в ненастный день, всегда вспоминаешь «Вид Толедо перед грозой». Толедо мне кажется таинственным двойником Смоленска. На горе там тоже высится собор — Святой Марии. Есть и крепость, построенная всего на тридцать с лишним лет раньше смоленской. *«Иностранец живет внутри нас: он тайное лицо нашей идентичности»*, — замечает Юлия Кристева. Видимо, в этом все дело. Нам нужен другой, чтобы понять себя. Но вообще западные ассоциации здесь более чем уместны. Весь пятнадцатый век Смоленск входил в состав Великого княжества Литовского, а потом

почти полвека был частью владений Речи Посполитой.

И если, возвращаясь из-за Днепра с виноградным вином, сыром и яблоками в пакете, видишь в стеклянном мареве жаворонка, и думаешь, что вот, это любимая птица Франциска Ассизского, то и эта ассоциация исторически оправдана: в городе в начале семнадцатого века был построен деревянный францисканский монастырь.

Но вообще Франциска Ассизского нет нет да и вспомнишь. То его проповедь птицам, то отповедь волку или восхваление голода и бедности.

Я уж не говорю о вечном спутнике, о которого все чаще спотыкаешься — о брате осле, сиречь теле. Брат осел все чаще упрямится и мешает. И не думает уступать,

мудреть. Может ли вообще тело стать мудрым?

Стучат каблучки по булыжникам мостовой, и брат осел уже глазеет.

От Днепра обычно предпочитаю подниматься по этой улице — Тимирязева, — мощенной булыжником, вдоль крепостной стены, мимо двухсотлетнего дома в окружении кленов и лип, где когда-то была полицейская управа, если я правильно сориентировался по карте 1907 года.

Вот уж где госпожа бедность царит. Дом до сих пор обитаем. Стены облезлые, некоторые окна затянуты целлофановой пленкой. Во дворе теснятся разбитые постройки. Но старые липы и клены придают дому очень живописный вид. Тем более, что дальше виднеются шатровые крыши башен.

На этот дом с каменной табличкой я давно обращал внимание, и он даже мне снился. Так что героя одного своего романа я поселил именно там. И теперь, проходя мимо, думаю, что из углового окна на меня и мог бы смотреть этот персонаж.

Может и смотрит.

Этот дом я часто фотографирую. Окна, деревья. Но как-то никого из его жильцов не вижу. Дом кажется необитаемым. Да люди в нем живут.

...И в этот раз вдруг вышла черноволосая женщина в халате. Похоже, она искала кошку, пробежавшую тут недавно. «А, это снова вы», — сказала она с оттенком досады.

Жители наших оврагов и гор настороженно относятся к человеку с фотоаппаратом, я привык. Обычно всех смущает штатив: каким-нибудь архитектурным переменах предшествует появление человека с треногой. Приходится объяснять, что я просто фотографирую, для себя. Любитель, мол. Ну, в крайнем случае, говорю, что размещу фотографии в собственном журнале. Звучит солидно. Добавлять, что журнал *живой*, не стоит. А впрочем, не все здесь и знают, что это такое. Иногда ко мне обращаются с просьбами довести до сведения градоначальников такие-то и такие факты... «Вон крыша прохудилась, вы сфотографируйте, напишите!» Или какой-то нувориш захватил землю, строит внаглую коттедж, рубит деревья. Честно признаюсь, что с газетами сотрудничества у меня нет. Хотя одно время я и пытался такое сотрудничество наладить, два—три материала появились в смоленских газетах. Но после «утери» нескольких статей с

фотографиями и невнятных ответов, я предпочел ограничиваться живым журналом. Фото и тексты — хлеб газетчиков.

«Да, вот фотографирую ваш дом-памятник», — говорю я черноволосой женщине в халате. Она в ответ фыркает и хочет вступить в дискуссию, но я обезоруживаю ее предложением сфотографироваться. «Еще чего!» — возмущенно бросает она и поспешно удаляется.

Довольный, что удалось предотвратить поток коммунальных жалоб, продолжаю путь вверх по улочке...

Да мне и самому всегда хочется пожаловаться: город наш беден и грязен. Всех приезжих шокируют дороги и депрессивные жилые массивы, мусор. Залежи мусора велики, и только дворничихе зиме под силу. Следы новых ратных дел под крепостной стеной — пивные банки и бутылки — она прочно заваливает снегом. Сгоняет и стайки орущих тинэйджеров с башен, лишь их пачкотню не может стереть с древних кирпичей. У подножия башен любят посидеть и жители более зрелого — увь, только — возраста, владельцы иномарок, пожарить шашлыки, терзая воз-

дух попсовыми песенками, да так все и бросить после себя. Неряшливость — трагическая черта моих сограждан, с этим ничего нельзя поделать. Не знаю, как обстояли дела при Мурзакевиче или Авраамии. Впрочем, тогда в допластиковую эру, и мусора-то настоящего не было. Какие-нибудь щепки, черепки, — иные из них на вес золота: знаменитая корчага с древнейшей русской надписью *Гороушна*. Вряд ли через тысячу лет надпись «Балтика Экспортное» сможет соперничать с Гороушной. И даже граффити на бойнице «Здесь тусовался Герыч с Ко» и «Путин — ...» не будет представлять научного интереса, к тому времени уже окончательно выяснится, кем был второй президент, рабом на галере или кем-то еще.

В чем причина пренебрежительного отношения смолян к своему тысячелетнему жилью, трудно сказать. Можно предположить, что с молоком матери мы впитываем опаску пограничных жителей, и особенно обустриваться не спешим: неизвестно, кто на этот раз сюда нагрянет.

Когда читаешь, что Н. И. Хмельницкого, ставшего губернатором

Смоленска в 1829 году ошеломило состояние города, и он тут же написал царю о кричащей бедности смолян, невольно думаешь, что Смоленск так и не смог прийти в себя. «Потери и убытки Смоленской губернии от неприятельского нашествия были громадные», — сообщает далее в своей книге «Смоленск и его губерния в 1812 году» краевед В. И. Грачев.

Сегодня о бедности города кричат депутаты и председатели партий. Лидер одной партии в ответ на реплику о соглашательстве насчет Смоленска и прокремлевского голосования, заявил, что это самая убитая, самая бедная область.

Но мы здесь живем. И имеем право на город, сформулированное французским неомарксистом Анри Лефевром. Впрочем, что толку. Твои права не интересуют ни инвесторов, ни градоначальников, ни толстосумов—застройщиков. Город убитый, но его пространство расхватывается. Вкладывать средства в городскую недвижимость выгоднее всего. И вот на улицах появляются хайтековские коробки из пластика, металла и зеркального стекла, в котором отражаются облезлые образины хрущевки, ларьки. Коробки эти кажутся такими же временками, как и ларьки. Но, увы, это надолго.

И тебе с твоим правом на город остается одно — научиться двигаться в нужном ритме, как это умели делать любители городских прогулок далекого прошлого. Об этом мне доводилось читать у суфия—музыканта Хазрата Инайят Хана: как-то учитель прогулялся по большому городу и вернулся в восторге, говоря, что город переполнен радостью; тут же его ученик ринулся по улицам, но нашел

только ненависть и грязь. «Ты шел не в том ритме», — сказал ему учитель.

Двигаясь в нужном ритме, можно попасть на одну из линий.

2

В городе есть линии. Они начинаются неожиданно. И точно так же обрываются.

Чаще всего это происходит в старом городе. И, может быть, только там и происходит. По крайней мере, ничего подобного из прогулок по новым микрорайонам я припомнить не могу. Какая-нибудь улица Рыленкова, начинающаяся на восточной окраине, или улица Николаева, Шевченко, — эти прямые улицы такие запильные, что способны сбить любой ритм. Уж не знаю, что сказал бы тот восточный пешеход, пройдясь по ним от начала до конца.

Линия прихотлива, направление меняет очень часто, более того, именно поворотные моменты позволяют что-то почувствовать и догадаться: ты — на линии. Хотя, как правило, осознание линии приходит после того, как она оборвется, буквально уйдет из-под ног.

Когда движешься по линии, множество ассоциаций сопровождает тебя. Наверное, можно сказать, что это тени прошлого. Какие тени прошлого на улице Шевченко или Рыленкова? Совершенно безликие улицы. Впрочем, лет через двести, хорошенько выстарившись, и они станут для нового смоленского пешехода линией. А пока ничего, кроме скуки не вызывают.

Новые микрорайоны Конрад Лоренц сравнивал с раковой опу-

холью, где уничтожен информационный код здоровых клеток. А линия как раз насыщена информацией. И ты легко считываешь ее, пребывая в особом состоянии, которое можно назвать городским вдохновением. В это время ты ощущаешь всю неповторимость города и переживаешь его целостность.

Линия может начаться прямо на площади Победы (удивляет глухота чиновников, выбравших это стертое и заурядное название) и далее идти по Большой Советской, резко свернуть на улицу путешественника Козлова к бывшей художественной галерее, возвращенной церкви; сейчас здесь женский монастырь; когда-то в нем воспитывалась будущая мать Петра Первого Наталья Нарышкина. Раньше перед храмом стояли скульптуры, в том числе и обнаженные. Теперь они исчезли. И однажды на их месте я увидел четыре колокола. Какой-то мужик с бородой и длинными волосами, похожий на старого хиппи, бродил вокруг. Он был подшофе, читал надписи на колоколах: «А, на Балтийском заводе... Кирилл освятил... А вот изъян...» Я возразил, что это мелочи. Мужик ответил с азартом, что неизвестно еще! Зазвонят ли? И как зазвонят? И пустился в какие-то рассуждения, но, правда, я предпочел уйти — линия увела дальше, на улицу Дзержинского, мимо стадиона и Чуриловского оврага, мимо барака с выбитыми стеклами, за которым мрачно чернели древесные глубины бывшего Немецкого кладбища, где когда-то стоял первый католический храм в Смоленске, *немецкая божница*, упоминаемая в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом, за-

ключенном в 1229 году. В этом же договоре речь идет и о немецких дворах. Здесь останавливались западные купцы. На этом кладбище был похоронен французский врач, оставшийся после изгнания Наполеона в Смоленске и лечивший самоотверженно и часто бесплатно смолян, за что те и поставили ему памятник — гранитный крест, на котором было выбито: «*Сооружен усердием чтущих память Франца Ивановича Валя. Мая 9-го дня 1855 г.*»

Сейчас из кладбищенских дебрей может вылезти тень современности с сизым носом, подбитым глазом и трясущимися руками. Бывшее немецкое кладбище превратилось в пристанище бомжей и алкашей.

Когда-то это место и набережная назывались Немецкой слободой. Набережная живописная, вдоль Днепра стоят двухэтажные дома тридцатых годов прошлого века. В конце улицы маячит серым призраком собор. Впереди идет какой-то странноватый человек, я прибавляю шаг и вижу, что это парень в рясе, с рюкзаком, в стоптанных туфлях, к которым прилипла глина. Ненароком мне припомнилось «Утро в Венеции» Коро. Хотя у нас уже был вечер, и парень шел простоволосый, а не в красной шапке. Но какой-то неуловимый дух бодрости и ясности был тот же самый. Я останавливаюсь, чтобы полюбоваться взлетающими из-за дома голубями, среди которых много белоснежных. Из-за угла выходит женщина в оранжевой безрукавке, с метлой и мешком, дворничиха. Мы разговариваем с ней о голубях, о набережной. Выясняется, что дворничиха — поэтесса, у нее издана книжка детских стихов, и зовут ее

Антонина. Одно стихотворение она мне тут же читает. Мы снова говорим о набережной. Скоро здесь начнется реконструкция, деревья спилят, берег оденут в бетон, и неповторимый облик Немецкой слободы будет утрачен.

На прощанье она интересуется, из какой я газеты. Мой ответ ее разочаровывает. Она-то надеялась, что ее голос будет услышан.

Но еще реконструкция не началась, и я иду дальше, рассматривая гигантские арки тополей и мощных нежно зеленеющих ив. По туннелю реки пролетают чайки.

На Соборной горе ударяют в колокол, голос большого колокола подхватывают остальные, воздух туго качается, дробится, густой звук заполняет лакуны в пространстве и времени, резонирует в дряхлых трещинах крепостной кладки, перебрасывает гудящие

мосты через Днепр, дрожит под ногами, и в тот же миг, когда я понимаю, что нахожусь на линии — вот она... все обрывается.

А наутро сразу вспоминаю главное из увиденного и услышанного: колокола на лужайке. И ко мне приходит ощущение блаженной невозможности высказывания.

Да, и линию невозможно изъяснить. Она соединяет молчание и звук, идет по улице современного города и внезапно уводит в закоулки времени. Линия рассекает камень, пронзает стекло и уходит ввысь. Ты на ней канатоходец. Линия касается близкого и далекого. Город из одних линий — это сновидение, воздушная фреска.

Иногда линии совпадают с названиями улиц, как, например, Красный и Зеленый ручьи. Эта линия начинается у Авраамиева родника, ведет вниз среди садов и склонов, сворачивает и восхо-

дит к Спасо-Преображенскому собору, одна из главок которого видна среди деревьев над Зеленым ручьем.

Когда-то здесь обитали донские казаки. Может быть, в этом тайная причина особого уклада, настроения, царящего здесь? Позже сюда переселились стрельцы, на их пожертвования и была возведена сначала деревянная, потом каменная церковь на Георгиевской горе.

Говорят, раньше вдоль улицы протекал ручей с водой зеленого цвета, давший имя улице. Но сейчас ручей усох.

Чем занимаются нынешние жители, остается только гадать. Да, впрочем, точно ничего экзотического, они ведь горожане. Центр города в двадцати минутах ходьбы. Но все разводят огороды и сады, как же без этого. Солнечные страны поставляют в Смоленск все

в изобилии, фрукты и овощи... Но смолянин знает, как это бывает: вдруг все меняется в одночасье — в Москве, а потом и повсюду, по всем городам и весям. Вырубают далекие виноградники, запрещают ввоз сардин и так далее. Свои «сардины» можно ловить в Днепре. Ну, а вино хорошее получается из слив и яблок.

Дворы выглядят добротны, а улица подозрительно чистая. Правда, есть ветхий дом, видимо, там живут старики, ничего уже не возделывают и забор поправить не в силах. Но весной тюльпаны за обвалившейся оградой цвели.

Направо уходит длинная лестница — на Георгиевскую гору, к церкви. В конце улицы виднеется, как я уже говорил, главка Спасо-Преображенского собора Авраамиева монастыря. Впервые попал туда, я надеялся выйти к монастырю. Но улица внезапно закончилась тупиком. Обращал на себя внимание большой деревянный дом, выкрашенный в коричневый цвет. Здесь царил какой-то сумрачный дух. За оградой я увидел толстый пенё спиленного тополя, и над ним уже взошел зеленый стройный росток.

И в этом месте раскрывался весь смысл странного названия улицы — Зеленый ручей. На самом деле никуда он не подевался и не усох. Он — здесь, стекает по стволам и окнам, шумит в листве, смешивается с Красным ручьем и вскипает цветами и золотом, восходит ростками с липкими листьями.

Во времена Авраамия, конечно, можно было подняться к монастырю, просто сейчас склон зарос и застроен гаражами. Зеленый ручей — одно из старейших названий. Наверняка при Авраамии

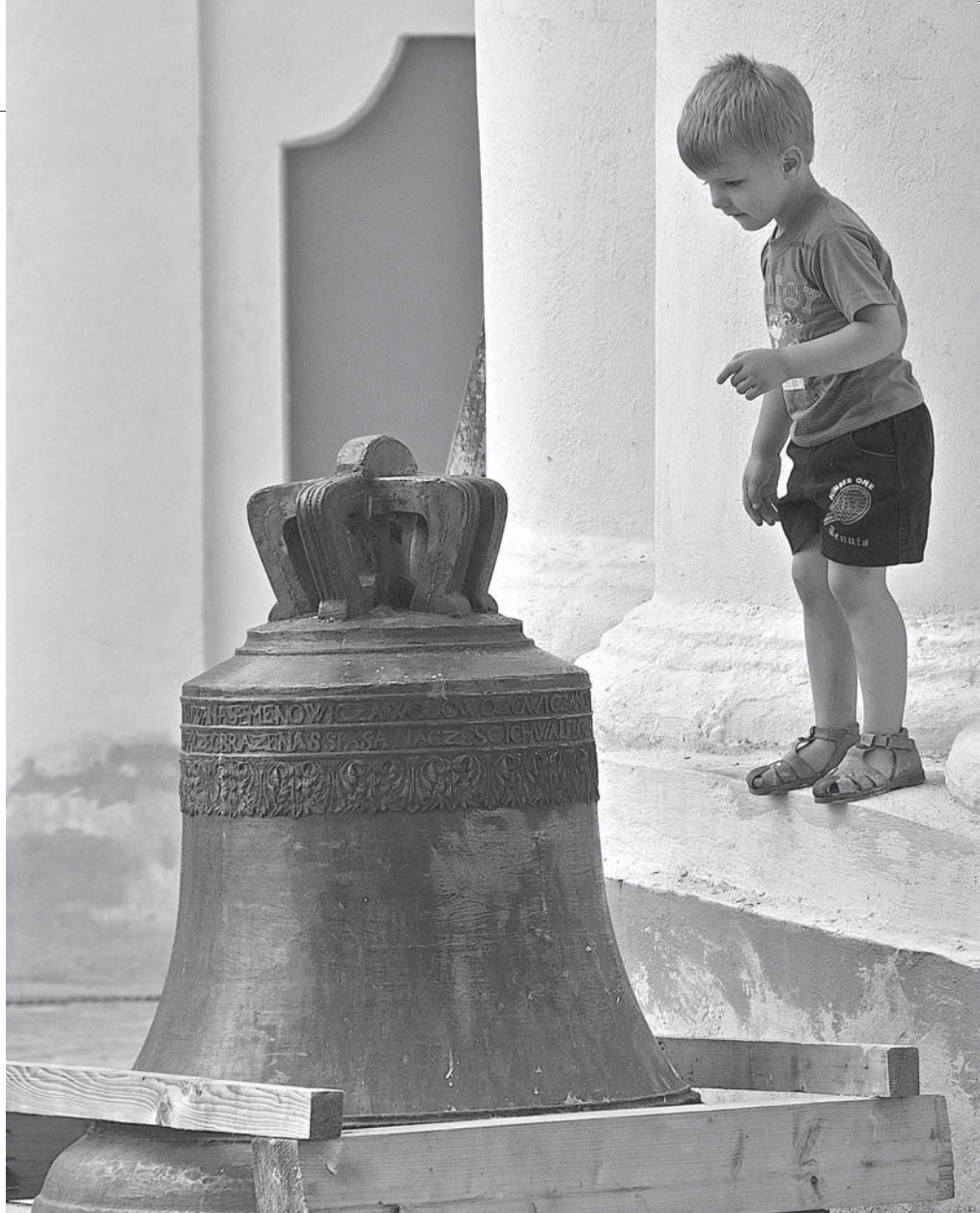
этот ручей так и называли. Зеленый ручей — как ветвь Авраамия на воображаемой карте линий. Однажды святой вымолил дождь на изнывавший в засухе город.

И если в книге о Франциске писали: «В этой книге содержатся подлинные Цветочки, то есть чудеса и примеры благочестия славного слуги Христова Святого Франциска», то можно сказать, что у Франциска в руках цветочки, у Авраамия — ручей.

О нашем святом сохранилось не так много сведений и преданий, как о Франциске. Но скорее

всего, даже в этой скудости оба блаженных увидели бы благо, ибо стремились всей душой к самозумалению и простоте. Кстати сказать, свои духовные подвиги оба свершали в одно и то же время. И при встрече им было бы, что поведать друг другу.

Оба пошли против воли родителей, но тут Франциску пришлось труднее, отец преследовал его за распродажу товара для помощи бедному храму, бил, запирали, а потом судился. Авраамий лишь не слушался родителей, заставлявших его жениться. Но имущество,

“**Линию невозможно изъяснить.
Она соединяет молчание и звук, идет
по улице современного города и внезапно
уводит в закоулки времени. Линия рассекает
камень, пронзает стекло и уходит ввысь.
Ты на ней канатоходец**

оставшееся после смерти родителей, Авраамий роздал нищим и монахам с той же радостью освобождения, что и Франциск, снявший с себя обувь и препоясавшийся веревкой, когда особым смыслом для него наполнились слова Евангелия: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха». Авраамия же вдохновляло следующее поучение, по свидетельству его биографа Ефрема: «Если кто не возьмет крест свой и не пойдет вослед за мной, тот не будет мне подобен». И Авраамий сменил

«праздничные одежды на ветхие и ходил, словно нищий, юродствуя, молясь и прося Бога, чтобы тот наставил его, как ему спастись и в какое место уйти».

Юродствовал и Франциск: жил в шалаше, питался объедками, тащил камни для починки церквей, помогал крестьянам.

Впоследствии церковные иерархи, в общем, благоволили к Франциску. Авраамий же оказался на краю и едва не погиб, обвиненный в ереси и прочих грехах, и некоторое время жил снова в загородном монастыре с запретом совершать литургию.

Франциск стал основателем ордена, персонажем книг, икон, легенд, позже и фильмов. Посмертная жизнь Авраамия здесь много скромнее. Его не писал Рублев, но неизвестные иконописцы запечатлели. Да ведь не это главное. Обращение к обоим святым, просто чтение их биографий дарит странное впечатление тонкого света.

На самом деле линии никогда не заканчиваются тупиком, даже если неожиданно обрываются: канатоходец перепрыгивает через пропасть, чтобы затаиться где-нибудь на карнизе, перевести дух и дожидаться нового представления.

Линия создает новое измерение, как об этом писали философы, разбивавшие мышление линиями, возникшее в начале прошлого века в искусствоведении. И в этом пространстве существует Смоленск, похожий на Толедо. Или Толедо, похожий на Смоленск.

Испанский город, конечно, другой. Он весь каменный, деревянных домов там не найдешь, ни огородов с кабачками и капустой, ни оврагов с ручьями. И жители относятся к своему городу совсем не так, как мы. Может быть, Толедо начала прошлого века больше напоминал Смоленск начала нынешнего века. По крайней мере, когда читаешь у Ортеги-и-Гассета о древних камнях Толедо, о козьем стаде, которое можно повстречать на его улочках, легко все это представляешь: коз в репейниках, старуху с палкой в выцветшем платке встретил только вчера на травянистом склоне Георгиевской горы над Зеленым и Красным ручьями.

Толедо строился из камня и на камне. А Смоленск — на глине и из глины. Но смоленская глина, прокаленная в огне, обрела прочность камня. И крепость

против поляков и литовцев стояла почти два года. Толедо арабы взяли быстрее. И, кстати, и там, как и в Успенском соборе, в церкви заперлись последние защитники; арабы отвели из тайного колодца воду, и толедцы вынуждены были сдаться. Наши в соборе, как известно, взорвались.

Французы во время русской кампании двенадцатого года не раз вспоминали испанских партизан. И кто-то еще находил много похожего между русскими и испанцами.

Мироздание Достоевский сравнивал с океаном: в одном месте

тронь — в другом отзовется. Чтобы расслышать толедские отзвуки в нашей глине, необязательно иметь изощренный слух. «Если у имперского Толедо отнять Алькасар и знаменитый собор — останется неказистая деревенька». Разве под этой сентенцией Ортеги-и-Гассета не подпишется любой смолянин?

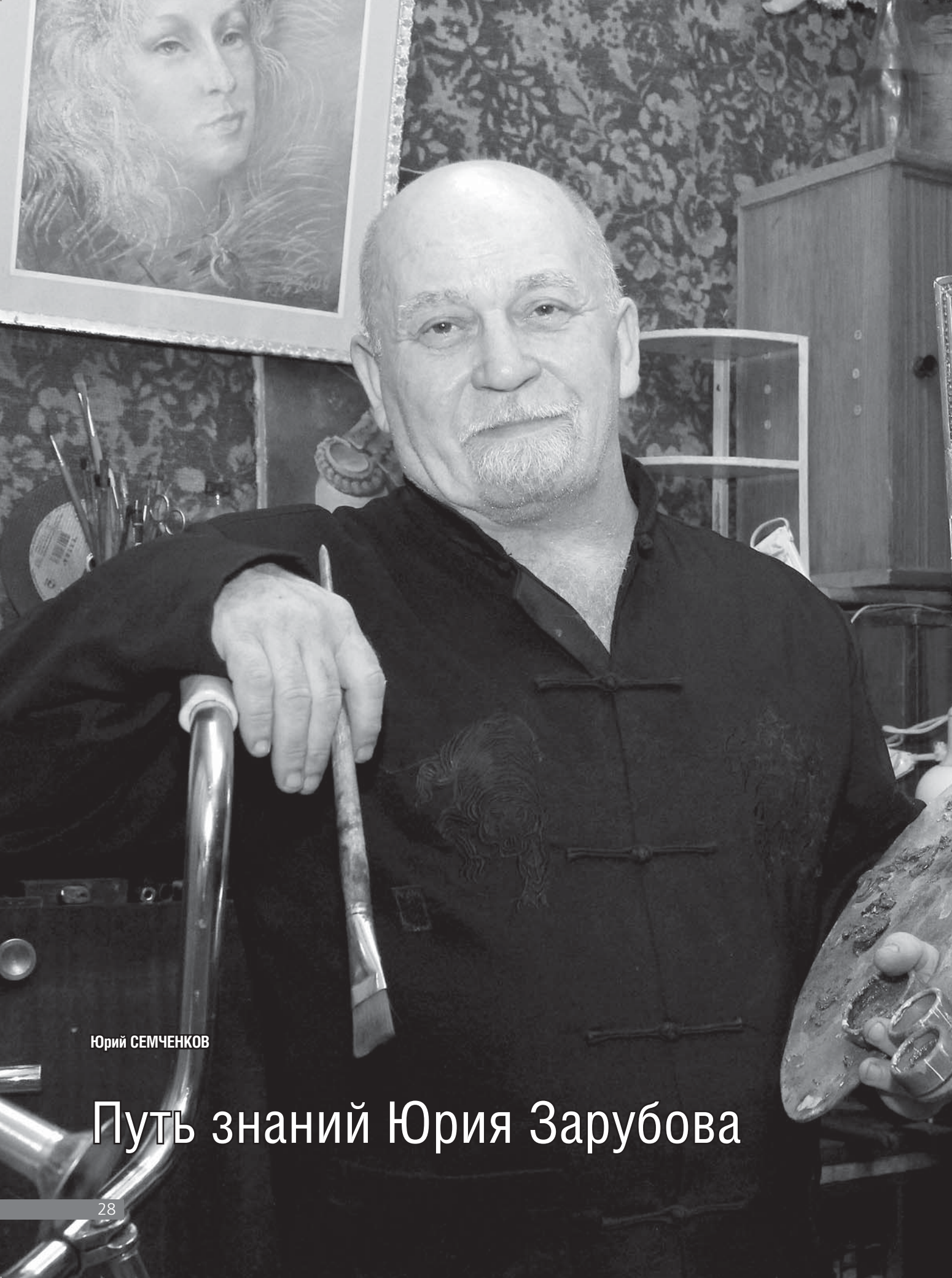
А в удачный день на крышах Смоленска можно увидеть тот же трепетный и тревожный свет, что и на домах Эль Греко.

...И это будет означать, что канатоходец вновь балансирует над пропастью, хотя и шагает по

обычным заасфальтированным улицам, ну, правда, иногда сворачивая на древние булыжники Красного ручья или той улицы, с которой и начался текст.

На эти булыжники, истертые колесами телег, пушек, лаптями и подметками сапог и башмаков, кстати, все время покушаются чиновники, явно подпитываемые горячим желанием владельцев коттеджей раскатывать на своих лимузинах по гладкой дорожке. И рано или поздно эти камни укроют асфальтом. Но на этой линии булыжники так и останутся. Таков вообще характер линий. ■

Юрий СЕМЧЕНКОВ

Путь знаний Юрия Зарубова

“Борьба за кусок хлеба, занимающая три четверти времени, делает нужду ужасной — она мешает работать, и разум заходит в тупик

Поль Гоген

Признаюсь, что, готовясь к интервью с Юрием Зарубовым, членом Союза художников СССР с 1977 года, одним из лучших графиков России, замечательным книжным иллюстратором, автором потрясающих гравюр, предполагал, что речь в нашей беседе, прежде всего, будет идти об искусстве как таковом. Но беседа потекла по каким-то своим, только ей ведомым, правилам. Мне казалось, что мы говорили обо всем на свете. Визави же считал, что только об одном — *о мировоззрении*. Было ясно, что беседовать на равных с Зарубовым без соответствующего уровня эрудиции и энциклопедических знаний в самых различных областях невозможно.

— Юрий Николаевич, вы сами выбираете, чьи произведения иллюстрировать?

— Кто же меня в эту «тему» пустит?

— Даже графика такого уровня не пускают?

— Такие порядки. И не пускали никогда. К тому же, если вы думаете, что иллюстрировать книги некоторых современных поэтов — это достойно изящных искусств, то вы ошибаетесь. Это мучительно.

— Почему мучительно? Очень ответственно?

— Ответственно — это Цветаева и Пастернак, а эти и близко к уровню мировой литературы не подошли. Я не могу сравнивать стихи наемного рабочего с литературой Шолохова или Сенеки. Но современные же все «гении». Невозможно, сколько поэтов расплодилось.

— Непрофессиональный поэт не может писать хорошие стихи?

— Есть путь мастерства. Человек знаний — аристократ, на знания нужны средства. Знания — это дорогое удовольствие для любого государства. Вопрос ясен. Демократия — тоже роскошь. Если один или два процента населения богаты, а остальные живут в нищете, то демократии не может быть. Демократию могут себе позволить только очень богатые страны, исходя из этого, в нашей стране демократия — это просто насмешка или сознательный развал государства.

— Что же такое, по вашему мнению, богатая страна?

— Когда жители живут сыто и отсылают в другие страны не сырье, а готовую продукцию. Когда мы экспортируем не зерно, а хлеб, не нефть, а бензин, не лес, а мебель. Это еще Марксом написано.

— И когда можно будет сказать, что Россия — богатая?

— Когда мы займем в мире место Америки, а наши граждане будут иметь среднюю зарплату, как

в Норвегии. Их олигархи должны жить у нас и хранить свои деньги в наших банках. Вот и все.

— Это если говорить только об экономике...

— Что касается богатства духовного, то есть постулаты, которые не меняются в зависимости от власти. Например, нравственность, совесть, вера. Не религия — вера. Эти вечные понятия могут быть неудобны в определенные моменты истории, и государство создает свою мораль, свою правду и свое право. Оруэлла «1984» читайте. Там все написано. Мораль, право и правду создает власть. Мы выпускаем ваучеры, потом скупаем всю страну. И семьдесят процентов населения ничего не имеет.

— А как же бесплатно розданные государством квартиры?

— Единственной ценностью я считаю землю. Это вечный основной капитал. Нет земли — нет рода возможности жить. Собственность — это когда ты сам можешь прокормить свою семью. А доллары — это бумажки, не обеспеченные золотом. Путь один — раздать землю. И запретить ее перепродавать.

— Основопологающие законы жизни работают и сейчас?

— Они вечны. По этим законам Америка и сейчас владеет миром. Есть право собственности и сила, которая обеспечивает это право собственности. И все. И, естественно, одни нравственные законы для себя и совсем другие для всех остальных. Что-то изменилось? Ничего. Работают и большие духовные понятия. Есть понятие материнства, есть понятие любви, есть понятие рода. Дети, почитание родителей. Как это можно изменить?

— Что бы вы могли посоветовать тем молодым людям, которые только собираются связать свою жизнь с искусством? Стоит ли?

— Что значит посоветовать? Это путь. Если он хочет идти по пути знания — пускай идет. Я могу сказать только так: «Хочешь? Начинай, постигай, учись». Потом поступай в обучение к Маэстро, и ты будешь узнавать мир, выражать свое мировоззрение через искусство.

— Но хлеб художника нынче не сладок...

— Что такое хлеб художника? Его хлеб — знания. Знания мира, мировоззрение. Путь художника — это цепь. Знание — мировоззрение — картина. Создание картины ничем не отличается от создания андронного коллайдера. Но это путь маэстро. Художник — не наемный рабочий. И от наличия или отсутствия хлеба ничего не зависит. Вот вам хлеб — рисуйте, вот вам два хлеба, десять пудов хлеба — рисуйте. Не получается? То-то. Путь мастера — познание миров, а просто рисовать можно идти и в похоронное бюро. В современном мире, к сожалению, не нужно высшего образования как набора знаний, как мировоззрения. В России тем более. Не устаю повторять: должны быть традиции. Школа. Хочешь научиться петь — иди к Образцовой, и станешь личностью, которая голосом выражает весь мир. В консерватории, скажем, учишься — последние два года класс Рихтера. И ты два года с ним общаешься, проникаешься его мировоззрением. Как думать, как мыслить. То же самое в Академии художеств. Это нормальный путь, это классика. Ты учишься мировоззрению, ты думаешь о мире, о смысле, о

замыслах. Поэтому Капица поехал к Резерфорду. Но нужно стремление. И дар.

Шалапин не имел образования, но попал в руки Морозова, который его заставил учиться, заставил читать, ввел в круг людей искусства. Это учеба? Да. Мирей Матье ее продюсер Джонни Старк буквально заставлял несколько лет ходить в оперу, читать, заниматься вокалом. Это обучение? Да.

А если не хочешь учиться, то можно стать композитором-песенником и идти в шоу-бизнес. Раньше ведь как было — заканчиваешь консерватории, получаешь дворянство, освобождаешься от налогов и начинаешь создавать. Живи, думай, мысли. Была великая русская литература, музыка, живопись, а сейчас нет. Сейчас все шоу.

— Песенник для вас все равно, что художник в похоронном бюро?

— Я не могу сравнивать песенников и, скажем, Шостаковича. Ни один Джон Леннон не написал оперы уровня Верди.

— Иной раз художники вынуждены заниматься чем-либо только ради хлеба насущного.

— У Пикассо как-то спрашивали, чем понятие творческий человек отличается от понятия художник. Он ответил очень любопытно. Творческий человек пишет картины, которые *продаются*. Если они не продаются, он прекращает свое творчество и творит то, что продается. А художник создает произведение, которое *потом* продается. Писатель, поэт, художник, ученый

не может работать как наемный рабочий. В этом случае у него нет возможности познавать мир, пробовать, ошибаться. Понятие «хлеб насущный» существует только для *выживающих*. Не для *живущих*. Курбэ в ответ на вопрос, почему его картины такие дорогие, отвечал, что эти деньги кормят еще и следующее его произведение. А если денег хватает только на хлеб и краски, где развитие художника, где путешествия, где возможность познания мира? Еще Андрей Рублев говорил, что художник «должен быть zelo мудр, славен в своем доме и богат».

— **Какой выход?**

— Никакого. Все проиграли. Китай вот все делает правильно. Сохранил собственное сильное государство, аккумулировал деньги, а у нас что? Попробуйте отобрать собственность олигархов, Америка тут же скажет про нарушение демократии и введет войска. Нам нечего защищать, у нас население

ничем не владеет. Армия не закупает вооружение, а конструкторские бюро Миля и Сухого делают технику для Индии. Какая это промышленность? Какой политик, заботящийся о мощи своего государства, будет так делать? Олигархи держат капиталы за рубежом. Что за бред! Что это за государство, в котором искусство и наука превращаются в товар? Когда это было, наука — товар? Мир переворачивается, а Россия проиграла, ее уже сдали давно.

— **Когда началась, по вашему мнению, эта капитуляция?**

— Проигрыш был еще в брежневские времена. Тогда уже ни о чем не думали, а капитуляция была горбачевская. Задумано и осуществлено.

— **У вас есть авторитеты в живописи?**

— Авторитетов нет, есть те, кто впереди.

— **И много впереди?**

— Много, начиная с XVI века. Дали говорил, что если ты хочешь стать художником, сначала попытайся научиться рисовать как Микеланджело и Леонардо. Пройди этот путь, стань человеком знаний, познай миры и вырази себя. Наука, искусство, педагогика — это сохранение и передача знаний. Высоких знаний о мироздании. И тогда есть жизнь, и есть путь впереди.

— **А если у молодого человека есть способности или даже талант, и он придет к маэстро Зарубову и скажет, мол, Юрий Николаевич, я буду за вами ходить хвостом, смотреть, учиться, будем вот так разговаривать о мироздании, о творчестве, о смысле?**

— Если я увижу, что он имеет способности и желание, то его папа платит мне на создание картин, а он сначала будет у меня мыть кисти, как Леонардо. Это та же школа. Ничего не изменилось со времен Леонардо, Микеланджело

и Вероккио. И папы платили за то, что мальчик учится у тебя. Папы кормили его, тебя и картины. Но... После обучения ты пишешь картину, собирается, скажем, Гильдия Святого Луки смотрит и, если ты достоин, дает тебе лицензию художника. Это сохранение Школы. Вот и все. Без школы ничего не бывает, искусство без школы не живет. Пройди школу, а потом делай, что хочешь. А в России сейчас какая школа? Почитайте Марка Аврелия, почитайте Конфуция. Почему государство всегда поддерживало науку и искусство? Талант всегда прав. Это единственный правильный путь. Этот гражданин — замечательный воин, создаем под него военную школу. У этого — хороший хлеб, создаем школу и ему. Учитесь у него. Но чтобы он отдал свои знания, он должен быть соответствующим образом вознагражден, дабы развиваться самому и развивать других. Государство должно дать ему другую жизнь, тогда он согласится стать наставником, передать свои секреты мастерства. Это на пользу всему обществу. Потеря школы — потеря независимости страны, потеря нравственности и веры. Проходя этот путь, постигая мастерство, вырабатываешь свой взгляд на мир. Когда открывали Царскосельский лицей, то пригласили преподавать ведущих словесников, физиков, математиков. Каждый был личностью, и они преподавали талантливым пацанам.

— Не ломает ли часто школа твое собственное мировоззрение?

— Школа никого не ломает. И если говорят, что, дескать, мое «я» исчезнет, то это бред. Не может ничего исчезнуть, если ты общаешься с Капицей или Рихтером, если ты

способен обогащаться и двигаться вперед. Суть процесса познания всегда одинакова, но у каждого свой метод, свое лицо, свой стиль. Но если не пройдешь основы, если ты элементарно не умеешь рисовать голову, то тогда и появляются *общественные* объединения творческих работников, а не *профессиональные*. Государство сказала нам, что отныне нет профессионального объединения художников, а есть общественное, и каждый талантливый человек имеет право быть в объединении. На этом все закончилось, поэтому литинститут надо закрывать, консерваторию тоже, академию художеств. Зачем учиться? Все все и так знают и умеют.

— Назначай сам себя — хочешь писателем, хочешь композитором, хочешь художником?

— Но не забудь куда-нибудь положить трудовую книжку, потому что сейчас у тебя не будет творческого стажа и пенсии. Если ты год пишешь картину, то у тебя трудового стажа нет. Я член союза художников еще СССР, чтобы вступить в него, надо было показать такой уровень.

— А сейчас как процесс вступления выглядит?

— Ты творческий человек и участвовал в двух областных выставках. Все, вперед. Все где-то работают по другим специальностям. О чем вы говорите? Как можно от любителя требовать качественные работы? Какой уровень у любителя? Что, после восьмичасового рабочего дня он в мастерскую идет творить? Не смешите. И у писателей то же самое. У них в Смоленске даже два союза. Это система. Дальше будет еще хуже, об этом говорил академик Алферов.

— Вы его позицию разделяете?

— Конечно. Он ученый, лауреат Нобелевской премии, и стоит на нормальных тоталитарных позициях любой страны. Соединенных Штатов, владеющих современным миром, Римской империи, наполеоновской Франции. Эта позиция одна у всех.

— Такие глобальные мысли не мешают вам рисовать простые натюрморты?

— А что, яблоко не является формой Вселенной?

— Вы когда рисуете яблоко, думаете, что это форма Вселенной?

— А что такое человек?

— Боюсь даже предположить.

— Тоже Вселенная. Она может быть ласковой, может быть грустной, может нести протест.

— Мы почти не поговорили о вашем творчестве.

— Я как-то решил сделать цикл гравюр о Смоленске «Град велик и мног людьми». Показать мощь того старого города, насыщенного, живого. Вы видели знаменитые гравюры Зубова с видами Санкт-Петербурга? Совершенные гравюры, изумительные, имперские, мощные. Что-то подобное я и планировал, собирался сделать больше четырех десятков работ. Сделал гравюры четыре, а потом деньги кончились. Дорого все это. Теперь вот хочу эту серию сделать в живописи. Но то, что я делал в графике, как это сделать в живописи? Чтобы ничего не потерялось, чтобы не получилось просто цветной картинки? Вот тебе задача. Но и это разговор не только о творчестве. Понимаете?.. ■

Сало — сила

Юрий СОЛОМОН

Не знаю как вы, а я еще помню времена, когда сало было значительно дешевле мяса. Хотя ели его с не меньшим энтузиазмом, чем сейчас. Посмотрите на сегодняшние сальные цены: хорошего качества сало по цене не уступает вырезке. Тревога! Один из самых народных продуктов становится все менее доступным. А тут еще слухи о проблемах с картошкой. Короче, пока нас всех окончательно принудительно не перевели на йогурты, чипсы и непонятно что, называемое некоторыми людьми колбасой, успеем еще поговорить о сале.

Ассоциация «сало — Украина» раскручивается, по-моему, только для повышения туристской привлекательности наших соседей. У каждого народа найдется масса аргументов относительно того, почему именно их сало «самое—самое». Что, белорусы, венгры или эстонцы добровольно уступят пьедестал чемпионата мира по лучшему салу? Да ни в жизнь!

Англичане, правда, называют его беконом. Но мы-то знаем, что это просто сало. Как его ни называй. Почему-то, говоря о сале, однозначно имеется в виду сало

свиное. И это правильно. Хотя, говорят, на Чукотке сало тюленье. Пока не пробовал.

Натуральнее сала разве что только солнце. Сознательно опускаю длительные и спорные рассуждения о пользе и вреде сала, о его незаменимости в качестве закуски и средства для быстрого восстановления энергии и сил, о его целебных и не очень свойствах. Экономим место и переходим сразу к практике.

Как выбрать правильное сало? Все советы на эту тему начинаются с самого главного. А самое главное в этом деле — нужно знать, у кого и где покупать. Проверенный ли это продавец на Колхозке, сосед ли по даче, брат племянника шурина тестя — это должны быть люди с безупречной салоторгующей репутацией. (На штампы ветеринарного контроля все равно смотрим). Если таких людей в вашем окружении нет, переходим непосредственно к самостоятельному выбору.

Лично мной изобретена формула выбора сала. С—Н—Т—П. Чтобы лучше отложилось в памяти, запоминаем слово «СаН-ТроПе». Самое престижное место отдыха

на юге Франции. Какая связь с салом? Да никакой. Просто красивое слово. Итак.

«С». Смотрим. Цвет: белый и нежно-розовый. Никаких красноватых, желтоватых и сероватых оттенков быть не должно. Толщина: от 2,5 до 4 сантиметров. Больше толщина — вкус уже не тот. Старики поговаривают, что членам сталинского правительства каждый день давали сало не толще двух с половиной сантиметров от шкурки. Оно, типа, самое вкусное и полезное. Шкурка: без щетины, гладко выскоблена.

«Н». Нюхаем. Да, да. Здесь главное — не пропустить к себе на кухню сало от хряка. Запах специфический. Можно даже поджечь кусочек сала — неприятный запах проявится гораздо сильнее.

«Т». Трогаем. зубочисточкой аккуратно пытаемся на глазах у продавца (мы же специалисты, выбирающие сало) проткнуть кусок. Должно быть мягко, но... достаточно плотно. Шкурка мягкая, эластичная. Под пальцами хорошее сало должно немного растопиться.

«П». Пробуем. Хорошее сало легко пережевывается и, конечно же, тает во рту. ■

Шампиньоны в беконе

шампиньоны свежие 0,5 кг
бекон сырокопченный
(нарезка) 400 г
майонез 50 г
специи по вкусу

Шампиньоны тщательно моем, высушиваем. Каждый гриб слегка обмазываем майонезом с любимыми специями, потом оборачиваем двумя полосками бекона крест накрест. Для верности можно проткнуть зубочистками. Даем постоять полчаса. Затем — в духовку при 180 градусах минут на пятнадцать.

Запеканка из цветной капусты с беконом

капуста цветная 500 г
бекон 100 г
сыр твердый 100 г
сливки 1 стакан
перец сладкий 1 шт.
помидоры 2 шт.
перец черный молотый
соль

Цветную капусту разбираем на соцветия и бланшируем 5 минут. Нарезаем помидоры, перец и бекон. Сливки соединяем с частью сыра, солью и перцем. Капусту выкладываем в смазанную маслом форму, сверху укладываем перец, помидоры и бекон, поливаем сливочной смесью и посыпаем оставшимся сыром. Запекаем до образования золотистой корочки.

Храм–церковь Иоанна Предтечи

[освящена в 1703 году]

Самое старое сохранившееся
строение Соборной горы

В нем велись службы, пока
строился Успенский собор

К церкви примыкает двух-
этажная постройка — старый
корпус консистории,
возведенный в 1780–е годы

стр.11–13

